

УДК 130.2 + 005.519.6

Бинарный характер инновационной деятельности в образовании

С.А. ОСТРЕНКО

Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара, г. Днепропетровск, Украина, E-mail: ostrenko2005@ukr.net

Авторское резюме

В статье раскрывается бинарный характер инновационной деятельности. Обосновывается универсальность инновационной деятельности как установленного когнитивного или культурного образца, что подтверждается концептуальностью, значимостью открытия и наличием механизмов внедрения в социокультурную практику.

Исследовано, что бинарность также обладает универсальностью в генетическом (укорененность в мифе), методологическом (способ структурирования различных мифических практик), семиотическом (код европейской культуры) аспектах.

Инновация как социокультурная практика укоренена в мифолого-этнографической сфере и образует с ней бинарную оппозицию «традиция – инновация». Наряду с этим, инновационной деятельности присущи такие бинарные оппозиции, как «учитель – ученик», «старое – новое», «процесс – результат» и др.

Отмечается, что, как механизм инновационной деятельности, бинарная оппозиция должна стремиться к снятию того противоречия, которое лежит в его основе и выходу к тернарным структурам.

Инновационная деятельность как проблемная, парадоксально-апоретическая практика фундируется следующей ситуацией: существующее положение дел не такое, каким может и должно быть, где понятие возможности характеризует ее онтологическое, а долженствования – деонтологическое измерение. И здесь выделяем три уровня: субъективно-коммуникативный, intersубъективно-коммуникативный, объективно-коммуникативный.

На субъективно-коммуникативном уровне инновация присутствует как личностное задание и фундируется бинарной оппозицией «Я – не-Я». На intersубъективно-коммуникативном уровне инновация реализуется в определенном коллективе, и наряду с указанной выше фундируется оппозициями «Я – Ты», «Я – Они». На объективно-коммуникативном уровне инновация выступает в виде властной стратегии, государственной политики, здесь ее фундирует бинарная оппозиция «государство – рынок».

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, универсальность, бинарная оппозиция, тернарная структура, субъективность, intersубъективность, коммуникация.

Binary character of innovative activity in education

S.A. OSTRENKO

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnepropetrovsk, Ukraine, E-mail: ostrenko2005@ukr.net

Abstract

The article deals with the binary nature of innovation in education. The versatility of innovation as a set of cognitive or cultural pattern, as evidenced by the conceptual significance of the discovery and implementation mechanisms in the presence of the socio-cultural practices are proved.

Investigated that binary also has the versatility of the genetic (rooted in the myth), methodological (way to order of the various mythical practices), semiotics (the code of European culture) aspects.

Innovation as a socio-cultural practice is rooted in mythological and ethnographic field and forms a binary opposition to it «tradition – innovation.» At the same time, innovation in education has such binary oppositions as «teacher – student», «old – new», «process – the result» etc.

It is noted that the mechanism of innovation, binary opposition should aspire to removing the contradiction that lies at its core and access to the ternary structures.

Innovation activity as problematic, paradoxically aporetic practice substantiates the following situation: the status quo is not what it could and should be, where the concept of ontological possibilities characterizes it, and ought – deontological dimension. And there are three levels: subjective-communicative, intersubjective-communicative and objective-communicative.

On the subjective-communicative level innovation is presented as a personal task and has the binary opposition «I – not-I». On intersubjective-communicative level innovation is implemented in a particular team, and along with the above substantiate the opposition «I – You», «I – They.» On the objective-communicative level innovation acts as a power strategy, public policy, there it has binary opposition «state – the market».

Keywords: innovation, versatility, binary opposition, ternary structure, subjectivity, intersubjective, communication.

Постановка проблемы. Инновационную деятельность можно рассматривать в праксеологическом и философском аспектах. Первый, безусловно, должен превалировать по той про-

стой причине, что образование и инновация в своей процессуальности родственны, и говорить об инновации и внедрять новые или обновленные смыслы, конечно, не одно и то же. В то

© С.А. Остренко, 2014

же время теоретический срез позволяет глубже осмыслить сами механизмы инновационной деятельности. В определенном отношении философское осмысление феномена инновации комплементарно по отношению к праксеологической составляющей, разделение на теоретиков и практиков не то, чтобы весьма условно, но не является необходимым и обязательным условием. В данной статье обосновывается универсальность инновационной деятельности через понимание бинарного характера ее существования и осуществления.

Анализ исследований и публикаций. О важности инновационной деятельности в образовании говорит сам факт институционализации данной деятельности в такой области, как педагогическая инноватика, которая на Западе нашла отражение в разработках Х. Барнета, Д. Гамильтона, У. Кингстона, Н. Лагервея, Р. Хейвлока и др., в Украине – В.П. Андрущенко, И.А. Зязюна, В.Г. Кремня, В.И. Лугового и др., России – Б.С. Гершунского, В.И. Слободчикова, А.В. Хуторского, Н.С. Юлиной и др. Универсальный характер инновационной деятельности обосновывается в капитальном труде С.П. Курдюмова и Е.П. Князевой «Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпоры». Рассматривая природу инноваций, исследователи отграничивают их от открытий: «...не всем открытиям суждено стать научными инновациями. Многие открытия являются лишь открытиями для себя и «умирают» вместе с их творцом. Другие имеют ограниченный круг трансляции и изменяют локальную среду для дальнейшей поисковой деятельности. И лишь очень немногие открытия пробиваются на уровень общего течения событий в науке и культуре или даже определяют становление нового когнитивного и культурного образца» [5, 257–258]. Иными словами, открытию суждено стать инновацией в том случае, если оно обретает некий всеобщий или универсальный характер, который подтверждается концептуальностью и значимостью открытия, наличием механизмов внедрения в социокультурную практику.

Бинарность как способ мышления, существования, бытия культуры в целом – одно из фундаментальных, если не открытий, то уж точно артикуляций в современной философской мысли. Французский философ-постструктуралист Р. Барт отмечает: «Бинаризм – явление чрезвычайно широкое» [2, 152]. Семиотик и лингвист В.П. Руднев: «В описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер: жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое, прошлое – будущее, здесь – там» [8, 39]. В статье «Клод Леви-Стросс и структурная антропология: два юбилея» историк философии и переводчик Н.С. Автономова пишет: «Какой

бы материал мы ни взяли, задачей становится нахождение основных бинарных оппозиций (природа – культура, растительное – животное, сырое – вареное), анализ сложных явлений как пучков дифференциальных признаков» [1, 25].

Универсальность бинарных оппозиций дает основание говорить о сущностных истоках бинарности или бинарном архетипе. В одноименной монографии «Бинарный архетип» М.С. Уваров выделяет три основных параметра такого архетипа. Первый – генетический. Он заключается в том, что бинарный архетип укоренен в мифолого-этнографической сфере, а соответственно принадлежит традиции и находит свое выражение в полисемантических структурах культурно-исторического бытия (аполлонийское и дионисийское начала у Ф. Ницше, Эдипов комплекс у З. Фрейда, Эрос и Танатос у Г. Маркузе, иметь и быть у Э. Фромма, столкновение цивилизаций у С. Хантингтона и др.). Второй параметр – методологический. Здесь бинарный архетип предстает способом структурирования многовариативных социокультурных практик антиномического, апоретического типа. Яркий пример – субъективная диалектика Сократа, его майевтический метод, чья педагогическая суть нацелена на актуализацию антиномичности и апоретичности нашего мышления и нахождение посредством их истины. Наконец, третий параметр – семиотический. Здесь бинарный архетип предстает своего рода кодом европейской культуры, стержнем проблематизации дискурсивных практик парадоксально-апоретического типа. Наиболее полным выражением семиотического параметра является, пожалуй, принцип дополнительности или комплементарности: если в человеке, обществе, культуре в целом преобладают определенные структуры, они неизбежно дополняются противоположными. Спектр, в котором этот принцип раскрывается, свидетельствует сам за себя: психоанализ З. Фрейда, неклассическая физика Н. Бора, теорема о неполноте К. Геделя, структуралистские исследования К. Леви-Стросса, постмодернистские литературно-философские штудии Ж. Делеза, Ж. Деррида и др.

Цель исследования – раскрыть конститутивные черты бинарного характера инновационной деятельности.

Изложение основного материала. Говоря о бинарном характере инновационной деятельности в образовании, ограничимся сферой гуманитарного образования: философия, история, литература. Мы будем обращаться и к наработанному опыту, и возможным перспективам этих наук. Гуманитарное образование как никакое другое не просто связано с языком, но артикулирует эту связь, здесь язык одновременно суть средство и цель исследования. В этом отношении инновация здесь возможна как некая дискурсивная практика (речь, раз-

говор, диалог, спор, диспут и пр.), причем, парадоксально-апоретического типа. Будучи такой практикой, инновация, во-первых, по сути своей соотносится с мифолого-этнографической сферой в смысле традиции и образует с ней бинарную оппозицию «традиция – инновация». Во-вторых, методологически внутри самой инновации в образовании наличествуют такие оппозиции, как «учитель – ученик», «старое – новое», «процесс – результат» и др., которые она определенным образом структурирует (централизация фигуры учителя в классической парадигме образования и его децентрализация в коммуникативной). В-третьих, семиотически, как некий социокультурный код, инновационная деятельность способна проблематизировать сферу образования на различных уровнях: субъективно-коммуникативном (инновация как личностная задача), интерсубъективно-коммуникативном (инновация как коммуникация в учебной или научной аудитории), объективно-коммуникативном (инновация как властная стратегия государства). Подобная проблематизация выводит образование из состояния статичности или, выражаясь куновской терминологией, нормального развития в аномальное, революционное, где становится возможным новый синтез. Этот синтез, по мысли представителей синергетической парадигмы (И. Пригожин, И. Стенгерс, С.П. Курдюмов и др.), способен появиться на стыке наук, знаний из разных областей. Проблематизация гуманитарного образования возможна в виде парадокса или апории. К уже известным таким парадоксам относятся: парадокс И. Пригожина (условность закономерного и закономерность случайного развития динамических систем), парадокс М. Бахтина–М. Бубера (истина принципиально неместима в одно сознание), парадокс Г. Маркузе (как возможна нерепрессивная культура) и др.

Вместе с тем важно заметить следующее: артикуляция бинарного характера инновационной деятельности не является самоцелью. Наоборот, артикуляция бинарности – тот рубеж, исходя из которого возможно его преодоление, точнее, снятие, если использовать гегелевский термин. В работе «Расколотовость человеческого бытия» П.С. Гуревич, отмечая неисчерпаемость принципа бинарных оппозиций, пишет: «Принцип бинарности был подвергнут острой критике представителями постструктурализма и постмодернизма. Нельзя не признать, что преодоление принципа бинарности формирует важнейшую культурную установку на междисциплинарный диалог различных отраслей постижения мира» [4, 5]. Так, по мысли Ю.М. Лотмана западноевропейская культура сумела наряду с бинарной системой, бинарным видением мира, столь характерного для Восточной Европы, выстроить тернарную систему: «абсолютное уничтожение

старого невозможно ни в тернарных, ни в бинарных структурах, но... тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы. Напротив того, идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками. Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал» [6, 142]. Работа «Культура и взрыв» завершается у Ю.М. Лотмана пророческими словами: «Коренное изменение в отношениях Восточной и Западной Европы, происходящее на наших глазах, дает, может быть, возможность перейти на общеевропейскую тернарную систему и отказаться от идеала разрушать «старый мир до основания, а затем» на его развалинах строить новый. Пропустить эту возможность было бы исторической катастрофой» [6, 148].

В качестве концептуального фрейма бинарного характера инновационной деятельности в образовании заимствуем предложенную В.И. Слободчиковым схему: «традиция – инновация – институция». Суть ее в следующем. В.И. Слободчиков, обращаясь к ситуации, сложившейся в социологии образования, выделил две бинарные оппозиции. Первая – «традиция – инновация», где новое противопоставляется старому. Подобное противопоставление решало две задачи: во-первых, проведение границы между традиционными и современными обществами, во-вторых, отслеживание тех изменений, которые происходят в обществе, культуре, системе и содержании образования. Вторая оппозиция – «инновация – институция», где процессуальность противопоставляется тому, что установлено, внедрено. Констатация этой бинарной оппозиции, во-первых, позволяет различать инновации по длительности их институционализации (как долго они получают свое внедрение), во-вторых, типологизирует инновации интенционально, то есть в зависимости от их направленности и способности к преодолению сопротивления со стороны существующих институций. Недостаток этих двух бинарных оппозиций, взятых в своей изолированности, по мысли В.И. Слободчикова, в их реверсивности, ориентации на прошлое, поскольку противопоставляют то, что уже сложилось (традиции, обычаи, нормы и пр.) и то, что осуществляется в настоящее время. Отсюда, вывод автора: «традиции – инновации – институции» – вот та концептуальная схема, которая позволит понять инновационные процессы как в контексте тех традиций, которые уже существуют в культуре и обществе, так и в контексте социального признания инноваций, в качестве базы для осуществления нововведений в системе образования. Такого рода концептуальная схема позволяет избежать, с

одной стороны, противопоставления традиций и инноваций, превращения инноваций в нечто чуждое традициям, а с другой стороны, делает возможным осмысление процессов превращения инноваций в социально признанные нормы и ценности, т.е. в некие институты, формирующиеся в ходе социальных коммуникаций между людьми» [9, 7].

В целом, соглашаясь с предложенной концептуальной схемой В.И. Слободчикова, тем не менее, видится необходимым дополнить ее социокультурным контекстом. Противопоставление традиций и инноваций, превращение инноваций в новые нормы и ценности носит не искусственный, а наоборот, всегда социокультурный, исторический, временной характер. Футуристы, как известно, отреклись от традиции, требовали выбросить с «парохода истории» ключевые персонажи классической литературы. Постпозитивистская школа К.Р. Поппера также требовала избавления от диктата авторитета мыслителей прошлого для обретения собственного философского опыта. Равно и постмодернисты отреклись от традиции. Этот разрыв носил не столько искусственный, сколько социокультурный, исторический характер. И именно социокультурный контекст обуславливает противоположную тенденцию, когда футуризм, постпозитивизм, постмодернизм сами стали частью истории.

Концептуальная схема «традиция – инновация – институция» может быть рассмотрена с понятийной и социокультурных точек зрения. В первом случае мы имеем дело с тремя в равной степени предполагающими друг друга понятиями. Традиция – то, что передается (лат. *traditio* – передача, вручение, выдача, преподавание, предание) – содержит в себе активность, динамичность и должна предполагать в себе аспект обновления, нововведения – инновацию. Приведем простой пример. Наличие у человека библиотеки не делает его причастным к культуре, это может быть всего лишь элемент интерьера. Причастным делает активная работа, со-бытийность с мировой мыслью. В свою очередь процессуальный характер нововведения – инновации – задает определенные нормы, установления или институции по той очевидной причине, что возникающее новое требует определенных механизмов своего воплощения. И, наконец, институции в виде новых норм, установлений становятся органической составляющей традиции или того, что будет передаваться далее.

Понимание необходимости учитывать социокультурный контекст позволяет увидеть понятия традиции, инновации, институции находящимися в определенной исторической среде, исторической эпохе, и выявить как изменяются между ними отношения во временном измерении, его синхроническом и диахроническом срезам. И здесь мы можем обнаружить целый

ряд интересных ситуаций. Во-первых, когда, скажем, традиция превалировала над инновацией, и любая инновационная деятельность рассматривалась как чуждая, разрушающая устой (негативная оценка церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, негативная оценка прозападных реформ Петра I со стороны боярства и др.). Во-вторых, когда инновация, в свою очередь, стала превалировать над традицией, вплоть до разрыва с последней, что наблюдается в модернизационных процессах, о чем речь еще впереди. В-третьих, когда институции или не поспевали, или не совсем адекватно устанавливали, нормировали инновации. Так, В. Розанов в «Сумерках просвещения», оценивая переход системы образования под юрисдикцию государства, пишет: «Никогда в желаниях просвещение не было так чтимо, так искомо; и никогда же не было оно в действительности так мало найдено и даже так слабо понимаемо... Никогда и никто не пытался связать это угасание в человеке всех высших даров с самими орудиями, которыми, по плану, подготавливается их пробуждение» [7, 10–11].

Инновационная деятельность в образовании представляет собой социокультурную практику проблемного, парадоксально-апоретического типа. Какая же проблема фундирует собой эту практику? Иными словами, благодаря чему вообще возможна инновация? Думается, что инновационная деятельность вообще, и в образовании, в частности, зиждется на том основании, что существующее положение дел не таково, каким оно может и должно быть. Только в этом случае возможно, как минимум, начало инновационной деятельности, посредством которой осуществляется попытка улучшить, обновить существующее положение дел. Два модальных глагола «может» и «должен» несут следующие смысловые нагрузки. «Может» демонстрирует, во-первых, ту мощь, которая заложена в самой инновации, а во-вторых, потенциальные силы того, кто осуществляет инновационную деятельность. Модальный глагол «должен» обозначает аксиологическую направленность инновационной деятельности, то, насколько она значима, какого требует к себе отношения и пр. Исходя из артикулированной апории, лежащей в основании инновационной деятельности, «существующее положение дел не таково, каким может и должно быть», выделим три уровня ее рассмотрения и разрешения: субъективно-коммуникативный, интересубъективно-коммуникативный, объективно-коммуникативный.

Инновационная деятельность изначально должна приниматься как некое личное и личностное задание. Тот, кто берется за эту деятельность, должен обладать определенной долей автономии в плане добровольного принятия на себя ответственности за происходя-

щее. В этом субъективность и субъектность данного уровня. В свою очередь, коммуникативность заключается в следующем. Коммуникативность как раз и показывает соотношенность того, кто осуществляет инновационную деятельность и предмета инновации. Инновационная деятельность может не всегда осуществляться, коммуникативный срез как раз и фиксирует наличие этой направленности на инновацию.

Вопрос о том, какая бинарная оппозиция характеризует субъектно-коммуникативный уровень структуралистско-универсального основания инновационной деятельности в образовании оказался непростым. Предлагаем выразить эту оппозицию как «Я – не-Я», используя знаменитые фихтеанские концепты, причем в строго заданном контексте, где Я – тот, кто осуществляет инновационную деятельность, не-Я – предмет инновации, сущностно соотношенный с Я. Инновационная деятельность выступает именно как практика, а не созерцание. Инновация не терпит созерцательного отношения, но требует присутствия как бытия-при-сутствия, действия, поступка, того, что И.Г. Фихте называл «дело-действие» (Tathadlung). Но, пожалуй, на этом связь с философией И.Г. Фихте здесь заканчивается. В самом деле, речь идет не об абсолютном идеализме с его Абсолютным Я, снимающим противоречие между Я и не-Я, и где само не-Я в своей пассивности – всего лишь результат активности Я. В нашем случае концепт Я обозначает того, кто занимается инновационной проблематикой – субъект инновационной деятельности. В свою очередь, не-Я – то, на что направлено внимание субъекта или Я. Бинарная оппозиция «Я – не-Я», с одной стороны, не снимаема, поскольку творец отличен от своего творения, с другой – они образуют единство, определяют себя через друг друга.

Далее – intersubjectively-коммуникативный. С одной стороны, здесь наблюдается тавтология, поскольку intersubjectivity (между-субъективность) предполагает собой коммуникацию, с другой стороны, указывает, что коммуникация носит intersubjectively, межличностный характер. Наличие одного субъективно-коммуникативного уровня еще не делает, скажем, открытие инновацией. Открытие становится инновацией, когда обретает механизм своего воплощения, трансляции или ретрансляции. В случае гуманитарного образования, гуманитарного знания сфера intersubjectivity – его подлинная сфера. Intersubjectivity показывает, что воплощение инновационных разработок возможно как живое, межличностное взаимодействие. При этом взаимодействие не ради взаимодействия, а ради того организующего начала, которое должно просвечивать сквозь все эти акты взаимодействия. Что же касается бинарных оппозиций, которые этот уровень наиболее

точно презентуют, то видится, что наряду с уже обозначенной оппозицией «Я – не-Я» присутствуют «Я – Ты», «Я – Они» с абсолютным требованием снятия этой дихотомии, скажем, в такой концепт, как «Мы», где и происходит реализация инновационной деятельности. Интересный пример здесь – апория историзма, вовлеченность в которую двух титанов гуманитарной мысли – В. Дильтея и графа Йорка фон Вартебург – во многом не только определила их дружбу, совместные научные поиски, но инициировала герменевтический проект Х.-Г. Гадамера как методологическое и концептуальное обоснование наук о духе.

Наконец, объективно-коммуникативный уровень. Здесь важно подчеркнуть присутствие инноваций на государственном, политическом, идеологическом и других уровнях, далеких в силу своей природы от intersubjectivity, которая здесь, если и есть, то в снятом виде. На объективно-коммуникативном уровне инновация выступает как властная стратегия, государственная политика, сфера государственных интересов. Здесь работают не механизмы непосредственно инновационной деятельности, но защиты, институционального воплощения, маркетингового продвижения инновационных технологий. Ключевой бинарной оппозицией здесь видится «государство – рынок», фундаментальный характер которой раскрыт в монографии В.В. Борисенко «Наука и рыночные отношения в информационном обществе: социально-философский анализ» [3]. Если государство воплощает собой плановые, линейные, устойчивые процессы, которые происходят в социокультурном пространстве, то рынок – нелинейные, самоорганизующиеся, статистические.

Выводы. Инновационная деятельность представляет собой целостную процессуальность, в которой в методологическом смысле можно выделить статические и динамические аспекты, поскольку инновация всегда предполагает не только непрерывно изменяющийся момент становления, но и то, что пребывает в этом непрерывно изменяющемся, обновляющемся становлении.

Бинарность предполагает генетический (укорененность в мифолого-этнографической сфере), методологический (способ структурирования проблемных социокультурных практик), семиотический (один из фундаментальных кодов европейской культуры) параметры.

Инновационная деятельность как проблемная, парадоксально-апоретическая практика фундируется следующей ситуацией: существующее положение дел не такое, каким может и должно быть, где понятие возможности характеризует ее онтологическое, а долженствования – деонтологическое измерение. И здесь выделяем три уровня: субъективно-коммуникативный, intersubjectively-коммуникатив-

ный, объективно-коммуникативный. На субъективно-коммуникативном уровне инновация присутствует как личностное задание и фундируется бинарной оппозицией «Я – не-Я». На интересубъективно-коммуникативном уровне инновация реализуется в определенном кол-

лективе, и наряду с указанной выше фундируется оппозициями «Я – Ты», «Я – Они». На объективно-коммуникативном уровне инновация выступает в виде властной стратегии, государственной политики, здесь ее фундирует бинарная оппозиция «государство – рынок».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Автономова Н.С. Клод Леви-Стросс и структурная антропология: два юбилея // Симпозиум, 2008. Структурализм: классика и современность (К столетию Клода Леви-Стросса). Материалы междисциплинарного симпозиума. – Р-н-Дону: Юж. Федерал. Ун-т, 2009. – С.24–35.
2. Барт Р. Основы семиологии / Структурализм: за и против. Сборник статей п/р Е.Я. Басина и М.Я. Полякова [Текст]. – М.: Прогресс, 1975. – С. 114–163
3. Борисенко В.В. Наука и рыночные отношения в информационном обществе: социально-философский анализ [Текст] / В.В. Борисенко. – М.: Наука, 2008. – 246 с.
4. Гуревич П.С. Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.
5. Курдюмов С.П., Князева Е.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры [Текст] / С.П. Курдюмов, Е.П. Князева. – СПб.: Алетейя, 2002. – 414 с.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Наука, 1992. – 210 с.
7. Розанов В.В. Сумерки просвещения [Текст] / В.В. Розанов. – М.: Педагогика, 1990. – 624 с.
8. Руднев В.П. Словарь культуры XX века [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
9. Слободчиков В.И. Инновации в образовании: основания и смысл [Текст] / В.И. Слободчиков // Исследовательская работа школьников: науч.-метод. журн. – М., 2004. – № 2. – С. 6–18; № 3. – С. 5–15.
10. Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идей антиномизма в истории европейской философии и культуры [Текст] / М.С. Уваров. – СПб.: Изд-во БГТУ, 1996. – 214 с.

Статья поступила в редакцию 12.12.2014

REFERENCES:

1. *Avtonomova N.S.* Cloud Levi-Strauss and struktturnaya anthropologia: dva jubileya (Cloud Levi-Strauss and Structural Anthropology: Two Jubilees). M., 2009. pp. 24–35
2. *Barth R.* Osnovy semiologii (Foundations of Semiology) / Structuralism: Pro et Contra. M., 1975. pp. 114 – 163 p.
3. *Borisenko V.V.* Nauka i rynochnye otnosheniya v informacionnom obshchestve: social'no-filosofskij analiz (Science and Marketing Relations in Informative Society: Social-Philosophical Analysis). M., 2008. 246 p.
4. *Gurevich P.S.* Raskolotost' of Chelovecheskogo bytiya (Disunity of Human Being). M., 2009. 199 p.
5. *Kurdyumov S.P., Knyazeva E.P.* Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizacia, tempomiry (Foundations of Synergetics. Regimes with Exacerbation, Self-Organization, Temporal Worlds). SPb., 2002. 414 p.
6. *Lotman Yu.M.* Kultura i vzryv (Culture and Irruption). M., 1992. 210 p.
7. *Rozanov V.V.* Sumerki prosveshcheniya (Shadows of Enlightenment). M., 1990. 624 p.
8. *Rudnev V.P.* Slovar' kul'tury 20 veka (Vocabulary of the 20th Culture). M, 1997. 384 p.
9. *Slobodchikov R.F.* Innovatii v obrazovanii: osnovaniya is smysl (Innovations in Education: Foundations and Sense). M, 2004, pp. 5–15
10. *Uvarov M.S.* Binarnyj archetip. Evolucia idey antinomizma v istorii evropeiskoj filosofii i kul'tury (Binary archetype. Evolution of ideas of antinomism in European history of philosophy and culture). SPg., 1996. 214 p.

Остренко Сергей Андреевич – соискатель

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

Адрес: 49010, г. Днепропетровск, просп. Гагарина, 72

E-mail: ostrenko2005@ukr.net

Ostrenko Sergei Andreevich – applicant

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Ukraine

Address: 72, Gagarin Avenue, Dnepropetrovsk, 49010

E-mail: ostrenko2005@ukr.net